

ренней Азии: вест. Бур. гос. ун-та. Сер. История. Исторические науки. 2013. № 1. С. 21-45.

6. Попова И.Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен // Монголика-ХI: сб. ст. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2013. 104 с.

7. Необычайная Кяхта / авт.-сост. Л.Б. Цыденова. Улан-Удэ: Нова Принт, 2013. 199 с.

8. Похлебкин В.В. Чай. М.: Центрполиграф, 2005. 71 с.

9. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. 439 с.

10. Fraser J.F. The Real Siberia. London, Paris, New York and Melbourne: Cassel and company limited, 1902. 280 p.

11. Кальмина Л.В., Курас Л.В. Забайкальское купечество в планах железнодорожного строительства во Внутренней Азии: перемена ролей // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. 2018. № 55. С. 21-25.

12. Титов В. Проекты купца Старцева [Электронный ресурс]: Пионеры русско-китайских деловых отношений // Капиталист. 2007. № 4 (20). URL. <http://www.kapitalpress.ru/kapitalist/archive/2007/20/712/> (дата обращения: 06.11.2018).

УДК 39(=512.31)

Реконструкция ранней этнической истории бурятского племени эхирит на основе этнонимии и устной традиции

С.Б. Болхосоев

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, ул. Терешковой 1, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия
stanislav_bolhos@mail.ru

Статья поступила 30.10.2018, принята 26.11.2018

В статье рассматривается история формирования племенного ядра бурятского племени эхирит. Автор посредством анализа племенной этнонимии и устных преданий бурят приходит к выводу о том, что происхождение родовых групп эхиритов и их сложение связано с этнополитическими процессами, происходившими на территории Прибайкалья в конце позднего средневековья. При этом впервые воссоздана хронология исторических событий, предопределивших возникновение этнической основы эхиритов, и в этой связи предложена новая трактовка этнонимов их главных родов.

Ключевые слова: происхождение; племя; этноним; этимология.

Reconstruction of the early ethnic history of the Buryat tribe named Ekhirit based on ethnonymy and oral tradition

S.B. Bolkhosoev

East-Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia
stanislav_bolhos@mail.ru

Received 30.10.2018, accepted 26.11.2018

The article discusses the history of the formation of the tribal core of the Buryat tribe named Ekhirit. The author, through the analysis of tribal ethnonymy and oral traditions of the Buryats, comes to the conclusion that the origin of the ancestral groups of the Ekhirites and their composition is associated with ethno-political processes that took place in the territory of the Baikal region at the end of the late middle ages. At the same time, for the first time the chronology of historical events that predetermined the emergence of the ethnic basis of the Ekhirites was recreated, and in this regard, a new interpretation of the ethnonyms of their main genera was proposed.

Keywords: origin; tribe; ethnonym; etymology.

Эхириты — одна из основных народностей племен бурятского этноса. Сегодня представители данного объединения проживают по обе стороны Байкала. Исконной же территорией является Верхоленье, откуда начиная с XVIII — до середины XIX вв. группы эхиритов переселяются в Забайкалье, где компактно проживают в долинах р. Селенга и Баргузин. Что касается родового состава бурятского племени, то оно представляет собой многочисленные группы, количество которых, по данным исследователей, оценивается 30-ю образованиями. Отметим, что эта цифра довольно условна, поскольку существует трудность в определении точного количества родов, что обусловлено дефиницией четких границ бурятского рода, которые могут выражать в одном случае род, в другом — подрод, а в третьем — более мелкое (патронимическое) родовое ответвление [1, с. 24]. Такое обстоятельство, по мнению ученых, связано с ростом численности племени, миграцией, дроблением родовых образований в XVIII–XIX вв. Тем не менее, все ныне существующие ответвления эхиритов восходят к тому первоначальному племенному ядру, которое представляло четыре формирования — *хэнгэлдэр* (*һэнгэлдэр*), *шоно*, *абзай* и *худаг саган* (*һуудагсагаан*). Именно такой состав родовых образований отмечается в русских письменных источниках с середины XVII в., за исключением названия последнего, обозначенного наименованиями групп *олзон* и *баяндай*, представлявших единое объединение [2, с. 48] и являвшихся, по родословным преданиям, худагсагановцами. Следовательно, образование основного состава племени связано с дорусским периодом истории бурятского объединения. Отметим, что данный аспект не получил должного внимания в научной литературе. Поэтому нам хотелось бы обратиться к проблеме происхождения эхиритского ядра, попытаться детально рассмотреть его, что позволит раскрыть некоторые вопросы этнической истории и формирования бурятского племени.

Следует сказать, что неразработанность данной проблемы прежде всего обусловлена отсутствием письменных источников (ранее XVII в.), что затрудняет реконструкцию этногенеза и ранней этнической истории бурятской группы. Тем не менее, в научной литературе существует мнение, связывающее истоки эхиритов со средневековым восточномонгольским этносом, известным по источнику «Сокровенное сказание монголов» (середина XIII в.) под именем *икирас*. Данная точка зрения прежде всего основывается на созвучии этнонимов и, соответственно, в его русле конструируется ранняя история эхиритов. Предполагается, что эхириты, во-первых, являются потомками части икирасов, бежавших в

Верхоленье после разгрома их объединения, выступившего на стороне противников Чингисхана, во-вторых, наследуют древнее имя предков, которое впоследствии трансформируется в слово «эхирит» (*эхирэд*) [3, с. 287], переводимое с тюркомонгольских языков (от основы *iki / ikire*) как «двойня», «близнецы» [4, с. 339; 5, с. 277].

Таков основной взгляд ученых на происхождение бурятской группы. Хотя для правильного решения вопроса о связи эхиритов с икирасами было бы необходимо объяснение корреляции имени бурятского племени с иным лексическим вариантом названия средневековой монгольской общности — *инкирас*, зафиксированным в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина (начало XIV в.) [3, с. 287]. Судя по последнему наименованию, оно ближе по созвучию с первым (*икирас*), но при этом имеет другую корневую основу (*инки*), а значит, и иной смысл. Это, в свою очередь, может отрицать преемственность названия бурятского племени и этническое/генетическое родство между последним и средневековым монгольским компонентом. Поэтому остается открытым вопрос касательно икирасских истоков эхиритов, и он нуждается в определенных коррективах, так как ни сведения средневековых летописей, ни материалы современных исследователей не дают возможности для однозначного решения этой проблемы.

Но в то же время не вызывает сомнений участие древнемонгольского компонента в этногенезе эхиритов. Начиная с XI в. монгольские элементы проникают в Предбайкалье и, по данным археологических памятников, продолжают прибывать до XIV в. [6, с. 165]. Судя по местонахождению древних захоронений (Сэгзнутский могильник, Ангинский погребальный комплекс) [7, с. 136] и по наскальным рисункам (Шишкинские писаницы, петроглифы Манхая) [8, с. 171], основными районами расселения монгольских групп являются Верхоленье, Приольхонье и Кудинская долина. Учитывая, что эти районы в современности являются исконными землями эхиритов, с уверенностью можно утверждать об их этногенетической связи с древними поселенцами.

То же самое можно сказать о тюркских корнях эхиритов. Как известно, в этническом отношении территория Предбайкалья с VII по XI вв. была населена тюркоязычными курыканами, которые в силу определенных причин уступили свои позиции в этнополитическом и этнокультурном плане. Прежде всего это было связано, с одной стороны, с возвышением в Центральной Азии государства киданей (XI в.) и империи Чингисхана (XIII в.), вызвавшим приток монгольских мигрантов из Забайкалья, с другой стороны, с приходом тюркских групп в Предбайкалье из

районов Южной Сибири и северо-западной Монголии, причем практически в то же время, что и их «конкуренты» с востока. Например, на это указывает так называемый Усть-Талькинский погребальный комплекс, датируемый XII–XIV вв. и характеризуемый тюркскими (телескими или кипчакскими) чертами в обряде погребения (захоронение с конем) [7, с. 137]. Судя по месту расположения могильника, обнаруженного на западном берегу р. Ангара (вблизи современного Балаганска) [7, с. 137], основной территорией расселения пришельцев с запада, скорее всего, стали земли Приангарья. Что касается курыкан, то они смешиваются с пришлыми группами – в Приангарье с тюркскими по преимуществу, а в Верхоленье – с монгольскими. Свидетельством этому, к примеру, являются археологические данные [7, с. 137]. Следовательно, та этническая ситуация, которая сложилась в восточных районах Предбайкалья (Верхоленье и Приольхонье), и предопределила основу будущего эхиритского объединения. Но, в то же время, этническая карта Предбайкалья представляла население со значительным тюркским компонентом, представленным аборигенными и пришлыми группами, который в этнокультурном отношении имел прочные позиции и, по всей вероятности, доминировал в политическом пространстве. В этом случае монгольскому элементу, скорее всего, приходилось довольствоваться только вторыми ролями.

Однако данная этническая карта изменилась с появлением предков булагатов (приблизительно во второй половине XV в.), усиливших монгольский компонент, который в итоге перевесил тюркский. К тому же, в политической сфере они явно выделились в главенствующее объединение, подчинившее местные этнические группы Предбайкалья [9, с. 184]. При этом булагаты выступили той силой, которая разрушила целостность родоплеменных объединений, существовавших в данном регионе до их прихода из монгольских степей [9, с. 182]. С другой стороны, трудно определить количество противостоящих булагатам формирований, но по преданиям бурят выявляются две группы – сэгэнуты и эхириты, причем первые представляли более многочисленное и сильное объединение [10, с. 76]. Тем не менее, их противостояние с булагатами привело к утрате самостоятельности и распаду обществ. Причем сэгэнуты как единый социум были уничтожены полностью. То же самое можно сказать об эхиритах, вернее, об их предках, изначальной общности, представлявшей в этническом отношении социум иного порядка с отличной родовой структурой, который был разбит и раздроблен була-

гатами на две части. Одна была оттеснена в Верхоленье и стала в последствии основой бурятского племени, другая выдвинута на восточный берег Байкала, где соединилась, скорее всего, с кочевавшими там отдельными группами сородичей (в устье р. Селенги и долине р. Баргузин). При этом из-за угрозы преследования со стороны булагатов (или от их набегов) «забайкальцы» бежали вглубь своей территории и впоследствии оказались в северо-восточной Монголии, где образовали ядро современного баргутского этноса. Кстати, это нашло отражение в устной традиции предбайкальских бурят, где повествуется о так называемых монголах, которых застали булагаты в кудинско-верхоленьском крае. По преданиям, аборигены-монголы потерпели поражение в военных столкновениях с пришлыми бурятами, т.е. булагатами, и вынуждены были переселиться в Забайкалье и Монголию [11, с. 212]. Схожая по сюжету легенда отражена в летописи Ц. Сахарова, рассказывающей об истории переселения эхиритов в баргузинскую долину (середина XVIII в.). Согласно легенде, населявшие в прошлом эту территорию монгольские племена – аба-хорчины и солон-баргуты из-за притеснений были вынуждены откочевать во Внутреннюю Монголию [12, с. 139].

Представленные в летописи этнонимы, вероятно, отражают наличие отдельных подразделений в выявленной нами этнической общности, имевшей преемственную связь с известным в средневековых источниках («Сокровенное сказание монголов» и «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина) сообществом прибайкальских племен под обобщенным именем «баргуты» (бархуны) [5, с. 274]. Но, в то же время, это объединение также могло обозначаться заодно с монголами в силу географической близости к носителям соответствующего имени и тесных контактов с последними [5, с. 273]. Поэтому под этими названиями их потомки сохранились в преданиях и летописях бурят, отразившись, в то же время, как этническое образование, переставшее существовать в пределах Прибайкалья. Однако в действительности его следы просматриваются у современных эхиритов и баргутов, поскольку многое указывает на их общее происхождение. Например, в настоящее время баргуты (в частности, так называемые старые баргуты – *хуучинбарга/барга*), перенявшие имя предков, связывают свои исторические и генетические корни с Прибайкальем и к тому же сохраняют шаманистские культы, характерные для эхиритов (почитание духов – хозяев острова Ольхон на Байкале, горы Бархан в Баргузинской долине и т.д.). Также свидетельством былого единства старых баргутов и эхиритов

является языковой материал (лексические параллели, фонетические особенности и пр.) и элементы традиционной культуры [13, с. 159, 161]. В эхиритских же преданиях об этом свидетельствует, как нам кажется, рассказ о происхождении первопредка – Эхирита, почти всегда фигурирующего в образе брата или братьев, сестер, от которых его отделяют, захватывают. Причиной разделения родных людей, часть которых скрывается в море или за ним (на наш взгляд, можно соотнести с баргутами), выступает родоначальник булагатского племени – Булагат [14, с. 30, 32].

Из сказанного следует, что события, произошедшие на территории Предбайкалья в позднем средневековье, напрямую отразились в формировании эхиритской основы, которая в тот период вследствие булагатской агрессии представляла собой незначительный социум, укrywшийся и сгруппировавшийся на правом берегу р. Лены. Широкое русло реки выполняло роль естественной преграды, да и скопление родов на одной определенной территории значительно повышало возможность быстрой мобилизации сил для организации оборонительных действий и набегов, направленных прежде всего против эвенков. Последние часто упоминаются в эхиритских легендах как воинственные и агрессивные соседи [15, с. 203, 207]. Но, несмотря на это, предки эхиритов, видимо, долгое время пребывали в пределах Заленья, поскольку представляли большую угрозу их западные соседи – булагаты. Лишь с приходом русских (XVII в.) они стали расселяться по разным местностям Верхоленья [16, с. 247, 361]. Но до этого эхириты находились под контролем булагатов и рассматривались последними как вассалы со всеми вытекающими последствиями, включая обложение данью, пленение, переустройство и сегментацию родовых групп. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют этнонимы основных родовых групп эхиритов, возникшие в период зависимости от булагатов.

Отметим, что наше мнение пока идет вразрез с единственной точкой зрения Б.З. Нанзатова, рассматривающего имена главных эхиритских родов под другим углом. Так, например, истоки наименования *hэнгэлдэр* исследователь возводит к тюркским лексическим единицам *siñil* – «младшая сестра мужа», «младшие родственницы» [17, с. 47] и *-der*, представляющее собой окончание множественности [3, с. 289]. Вывод по этому этнониму таков: «младшие родственники». Происхождение другого названия, *абзай*, Нанзатов объясняет на основе трех вариантов: 1) путем слияния хакасских слов *аба* «медведь» и *аза* «дедушка»; 2) алтайского термина *абыс/абызы* –

«священник»; 3) этнонима древнеуйгурского племени *абусы* [17, с. 48]. В итоге автор объединяет последние две версии и считает их взаимосвязанными. Что касается обозначения *һуудагсагаан*, то его внимание обращено к первому форманту, который соотносит с тюркским словом *худаг* – «берег». Отсюда делается заключение, что этноним имеет значение «береговые саганы», т.е. «живущие у берегов Байкала». Что касается других названий – *шоно*, *олзон* и *баяндай*, то ученый склонен связывать первое с древними сяньбийцами, у которых отмечается подразделение с подобным наименованием, второе считает иноэтнической подчиненной частью *курукан*, а третье соотносит с именем баяутов/байырку [17, с. 49].

На наш взгляд, данные выводы нельзя признать в достаточной мере обоснованными, поскольку они, например, не согласуются с устными преданиями бурят, где, в частности, в отношении рода хэнгэлдэр существует мнение о его старшинстве над всеми другими подразделениями эхиритов (что будет указано ниже), тогда как, с точки зрения Б.З. Нанзатова, он должен быть младшим. Также не увязываются с родословными легендами религиозная специализация *абзаевцев* и высказывания ученого касемо других этнонимов. Поэтому мы склоняемся к иной трактовке родовых имен эхиритов, смысл которых, как сказано выше, отражает факт внешней агрессии.

Так, наименование *hэнгэлдэр* можно интерпретировать, с одной стороны, как «обрывок»/«клок» (или «обрывки»/«клочья»). Объяснением является его этимология, построенная на основе двух лексических формантов, бурятского *һэнги* – «разорванный», «в клочьях»; «раскиданный», «рванный» [18, с. 27, 585] с частицей *-л* и тюркского суффикса *-дэр*, который также выражает понудительный или побудительный залог, образующийся после согласных. В тюркских языках он служит для образования глаголов [19, с. 137]. Следовательно, лексема *hэнгэлдэр* – это отглагольное существительное, наследие двуязычности предков эхиритов, сохранявших эту особенность еще в XVII в. [3, с. 290]. С другой стороны, данное слово являлось прозвищем, понимаемым, кроме представленного выше значения (или значений типа «комочек шерсти»), еще и как «мелкий»/«уменьшенный». В пользу данной точки зрения говорит лексическая основа – *һэнги/һэнгэл*, значения которой (см. выше) можно рассматривать как результат разрушения и уменьшения объекта воздействия. Кстати, подобные аналогии обнаруживаются в тюркских языках. Например, якутские лексические варианты: *сингин* – «валиться», «рушиться», «исчезать»; *синнэй* – «быть низким, приземистым» [20,

с. 324]; хакасские термины: *сын* — «ломаться», «переламывать», «разбиваться»; *сыных* — «сломанный», «разбитый», «обломок» [21, с. 208]. Рассмотренные лексемы не только имеют близость по своей семантике к бурятскому слову *хэнги/хэнгэл*, но определенно указывают на общий сопоставимый корень *син/сын/хэн*.

В то же время полагаем, что с выявленным смыслом основного наименования хэнгэлдэровцев соотносятся значения слов *хазуухай*, *хадаалай*, *хоргоохон* и *халюухай*. По устной традиции эхиристов данные слова употребляются в связке с главным обозначением рода, поскольку выступают именами сыновей Хэнгэлдэра и первопредков родовых ответвлений хэнгэлдэровцев [16, с. 256, 283]. То есть это может указывать на одновременность возникновения наименований групп и названия их общего объединения. С другой стороны, они выступают дополнениями друг другу, разъясняющими статус носителей этих названий, разделенных по сегментам. Так, наименование *хазуухай* (или *хазуутай* [16, с. 277]), составленное из основы *хазуу* и уменьшительного суффикса *-хай* (аффикса принадлежности *-тай*), в бурятском языке понимается как «укушенный», «откусанный» или, по-другому, «кусочек». Доводом выступают слова *хазуулха/хазуха* — «быть укушенным» [18, с. 380]. Далее, название *хадаалай*, образованное из бурятской апеллятивной основы *хадаа* и суффикса *-лай*, на наш взгляд, толкуется как «пришитый»/«зацепленный», по-иному, «лоскут». Обоснованием являются лексемы *хадаатай* — «прибитый», «пришитый»; *хадааха/хадаха* — «зацеплять», «нацепить» [18, с. 375]. Следующее обозначение, *хоргоохон*, заключает в себе понятие «мелкий» или «комочек». Считаем, что оно исходит из особенности овечьего или козьего помета (*хоргоохон*), представляющего собой форму круглых катышков. Сказанному соответствует название *халюухай*, означающее, на наш взгляд, «камешек». Например, подобным словом *халюусгай* у предбайкальских бурят обозначался «плоский речной камушек» [22, с. 229].

Таким образом, проведя анализ серии слов, можно утверждать, что термин *хэнгэлдэр* и другие репрезентируют обозначение «малый» («кроха», «детеныш»), восходящее к образу ведомого и управляемого объекта/общества, разбитого и разделенного на подгруппы. Подобное же обнаруживается при рассмотрении других эхиритских этнонимов.

Так, название следующей группы — *шонос* бурятского языка переводится как «волк», но следует отметить, что за этим обозначением трудно усмотреть социальное положение его носителей. Судя по переводу, оно имеет отношение к зверю, который в традиции многих тюрко-монгольских

народов являлся почитаемым диким животным и считался символом правящих родов. Однако такое в отношении эхиритского рода шоно (за исключением пиетета перед волком) не просматривается. Более того, по генеалогическим легендам он представлен вторым родом после хэнгэлдэровцев [15, с. 205], видимо, занимавших главные позиции в иерархии племени. Это может свидетельствовать о низком статусе шоноевской группы в период формирования эхиритского образования. К тому же, на это указывают их исконные места кочевий, расположенные на краю эхиритских земель (долина р. Анги), граничащих с эвенкийскими территориями. Возможно, это является следствием малочисленности группы в начальный период ее истории, обусловленной истощением людских ресурсов ввиду противостояния со внешними силами [15, с. 206, 241]. Это, в свою очередь, не дало обеспечить высокое положение в конкурентной борьбе внутри раннеэхиритского объединения или шоноевцам не позволили этого сделать со стороны внешних сил, заинтересованных в ином положении дел. Такое могло быть в случае зависимости предков шоноевцев от группы, способной в то время в военно-политическом отношении влиять на многие аспекты жизни предбайкальских объединений. Таковыми, как мы определили, были булагаты, которые, видимо, фигурируют в устных рассказах шоноевцев в качестве охотников. В них, например, говорится, что первопредок последних был найден охотниками в лесу, взят ими домой, далее воспитан, возвращен и назван именем Шоно в память того, что он был обнаружен в волчьей яме [15, с. 201].

Здесь интерес заключается в том, что Шоно представлен мальчиком, чужеродцем, детенышем зверя и найденышем. Эти маркеры в семантическом плане отображают персонаж незначительного характера, объект иногo происхождения, за которым была предпринята охота, в ходе которой он захвачен в качестве добычи. Кстати, на бурятском языке слово «найденыйш» — *олзо*, по-другому, выступает в значении «добыча», а в прошлом — «пленник», «невольник» [18, с. 21]. Таким образом, следует сказать, что статус шоноевцев в ранней истории эхиристов был равнозначным положению хэнгэлдэровцев, а это значит, что маркировки, характерные для вторых, были присущи и первым.

Подобное же мы можем видеть в названии рода абзай. По нашему мнению, оно расшифровывается как «горсть», и в то же время осмысливается как «малый» и «взятый». Данная трактовка исходит из анализа этнонима *абзай*, образованного от бурятского/монгольского лексического корня *аб(а)* — «брать», «взять», «получать» и фор-

манта *-зай* с уподобительно-уменьшительным значением (близким к тюркскому аффиксу *-ч/-ш* [4, с. 61]). Примечательно то, что с первым компонентом в смысловом отношении сопоставимы тюркские слова *авиç* – «горсть» [23, с. 32], *аб* – «разделяться», «нечто рассеянное» [24, с. 44, 74], «ловля», «дичь», «гнать, изгонять» [4, с. 62]. Полагаем, что значение последнего слова также могло быть заключено в этнониме абзаевцев, поскольку коррелирует с сюжетом предания, где говорится о родоначальнице группы, вынужденной со своими детьми менять места жительства ввиду их выдворения из одного общества, затем из другого. Легенда объясняет это тем, что абзаевцы были чужеродцами как для одних, так и для других. В итоге они примыкают к эхиритам и становятся их частью [15, с. 253, 257]. Это, в свою очередь, указывает на иные корни абзаевцев, чем у хэнгэлдэровцев и шоноевцев. Устная традиция причисляет их к сэгэнутам, павшим от натиска булагатов. Соответственно, остатки сэгэнутов, в числе которых были и предки абзаевцев (запечатленные легендой в образе беглой женщины, подражывавшей объект охоты), попадают под власть захватчиков, для которых их вассалы представлялись незначительными, рассеянными и разбросанными элементами, т.е. уменьшенными, что, по сути, равно понятию «детеныши». Подтверждается это этимологией этнонима и следующими фольклорными сведениями.

По некоторым генеалогическим преданиям абзаевцы восходят в своих корнях к некоему Алагтаю, считающемуся то мужем, то сыном праматери Абзай [15, с. 268]. Здесь интерес представляет семантика имени Алагтай, которая, на наш взгляд, раскрывается посредством бурятского обозначения детеныша кабарги – *эрээлдзэй* [25, с. 12], образованного от лексической основы *эрэ(н)/эрэн* – «пестрый, пятнистый» [18, с. 670] с помощью частицы *-л* и форманта *-дзэй*. Возникновение данного обозначения, безусловно, связано с внешней характеристикой детеныша животного, имеющего пятнистый окрас [26, стр. 17]. Такой же внешний вид свойственен для козленка косули [27, с. 15] и олененка марала [28, с. 53]. Этим, как мы считаем, объясняется слово *алагтай* в значении «пестрый/ пятнистый» – «козленок», составленное из корня *алаг* – «пестрый», «в пестринах» [29, с. 49] и аффикса *-тай*. Кстати, в соположении *алаг* и *эрэн* являются парными словами, часто встречающимися в бурятском языке, следовательно, термины, образованные с помощью первой или второй фразы, могут выражать тождественные понятия, а в нашем случае быть еще одним обозначением предков абзаевцев.

Примечательно также то, что выявленное нами понятие просматривается в именах других

первопредков абзаевцев – Арбагтай/Арбали и Найта, являющихся, по сведениям родословных легенд, сыном [15, с. 257] и внуком Абзая [30, с. 79]. Первое, скорее всего, сопоставимо с бурятским словом *арбай* – «маленький», «карликовый» [29, с. 76], второе – с монгольским термином *найтаг* – «молодая поросль» [31, с. 388]. В обоих случаях и выше усматривается низкий социальный статус носителей имен, которые в процессе инкорпорации в состав раннебурятского объединения представляли небольшой по численности компонент, переходивший от одного владельца к другому. В этом же и заключается смысл родового названия, в котором отразились те моменты истории группы, когда она находилась в состоянии объекта захвата, была раздираема с разных сторон (с эхиритской, сэгэнутской [15, с. 253] и булагатской [30, с. 77]) и подчинена ведущему этническому объединению.

Соответствующие сказанному моменты проглядываются и в названиях родов *олзон* и *баяндай*, определяемых в эхиритской традиции как худагсагановцы. Безусловно, в семантике первого наименования, как упоминалось выше, заключается понятие, имеющее значение объекта добычи и пленения. Причем этот же смысл дублируется в имени баяндаевского подразделения. Во-первых, на это указывает его этимология, а во-вторых, родословные предания эхиритов. Полагаем, что в основе лексемы *баяндай* лежит тюркский формант *бай* в значении «связывать» [32, с. 30], «привязывать», «соединенный», «заковать в кандалы» [32, с. 15], образованный с помощью частицы *-н* и бурятского аффикса *-дай*. В то же время не исключаем связь с фонетически близким, также тюркским словом *бойун/бойын* – «поручитель», «слуга» [32, с. 181], дающим при соединении с формантом *-дай* выражение *бойындай*, со временем превратившееся в родовое название *баяндай*. Примечательно то, что с этим выводом коррелирует фольклорная традиция худагсагановцев, где показывается эпизод пленения эвенками первопредков эхиритской группы, выступавших в образе девушек, родивших в плену сыновей Олзона и Баяндая. Это, в свою очередь, подкрепляется фразой «олздоошожогарахан» – родившийся в плену, «барилгада-бажагарахан Баяндай» – находящийся на привязи Баяндай [33, с. 30]. По другой версии, захватчиками девушек выступают сэгэнуты, у которых они с родившимися младенцами были отбиты родным братом их мужей, эхиритским богатырем Тогто Мэргэном и поэтому про деток сложилось выражение: «олздоерээн Олзон», «барилгадаерээн Баяндай» [15, с. 261], что можно перевести как «добытый Олзон» и «пойманный Баяндай». Кстати, легенда повествует о ги-

бели богатыря от рук тех же сэгэнзүтов (напавших на него во время охоты), но при этом его люди, т. е. собственные дети и супруга уводятся булагатами.

Все это дает нам основание полагать, что предки олзоновцев и баяндаевцев в определенный период своей истории оказались в гуще событий военного характера, результатом которых стало их подчинение группе, наиболее влиятельной в политическом отношении. Это явилось причиной возникновения названий *олзон* и *баяндай*, изначально употреблявшихся параллельно в отношении единого социума в силу бытования тюрко-монгольского билингвизма у предков западных бурят. Впоследствии, при разделении данной группы на отдельные сегменты, одна часть сохранила за собой бурятское/монгольское по происхождению название, вторая приняла наименование с тюркскими корнями. На наш взгляд, это было вызвано главенством первой над второй, заявившей права на бурятское обозначение в связи с доминированием монгольского языка над тюркским, обусловленным влиянием булагатов. Словом, лидирующая роль олзоновцев отражена в родословной традиции, в которой предок первых — Олзон выступает старшим братом другого родоначальника — Баяндая [15, с. 263]. Соответствующая расстановка отмечается между их родителями Сэхиром и Сахиром, являющимися сыновьями Хуудаг Сагана.

В этой связи хотелось бы рассмотреть последние имена на предмет их общей семантики. Подобное, как выше показано, было характерно для этнонимии эхиритов. Поэтому начнем со словосочетания *хуудагсагаан* (худаг саган), которое, на наш взгляд, заключает в себе понятие «детеныш (животного)». Обоснованием данного вывода является значение данной фразы, переводимой с бурятского языка двояко — во-первых, как «сидящий (или садящийся) белый», а, во-вторых, как «убывающий (или уменьшающийся) белый» (от *хуудаг* — «сидеться», «усаживаться», «оседать», «сокращаться» и т.д.; от *сагаан* — «белый», «светлый»). В любом случае, фигурирует белый цвет, с одной стороны, лишенный яркости, чистоты тона вследствие ограниченности (смещения с другим окрасом), а с другой, указывается процесс его исхода. Отсюда полагаем, что под данными значениями, скорее всего, подразумевается живой объект, во-первых, покрывающийся в определенных местах тела белым окрасом или светлыми пятнами, а во-вторых, со временем теряющий его. Такое качество было свойственно детенышам диких парнокопытных, в частности, кабарги, косуль, маралов [26, с. 17; 27, с. 15; 28, с. 53].

В этом отношении бурятские выражения *сэхир* («мутно-белый», «белоглазый», «с бельмом на глазу» [18, с. 212]) и *сахир* («белесый», «бледный» [18, с. 152]), возможно, в прошлом, аналогично монгольскому соответствию *цахир*, содержало еще такие значения, как «белые крапины», «белые пятна» [34, с. 255]) выступавшие уточняющими и разъясняющими дополнениями термина *хуудагсагаан*. В пользу данного вывода можно привести также примеры из тюркских языков, где сопоставимые с бурятскими/монгольскими словами термины выражают схожие значения. Так, *секир* — «пежина, белое пятно на ногах у лошади» [35, с. 175], с которым генетически связан *сакар* — «белая полоса», «белое пятно/отметина» [35, с. 175]. Кстати, тюркская лексема *сэкир*, к тому же, выражает понятия «скакать, прыгать; двигаться вприпрыжку; броситься бежать» [35, с. 238], которые можно отнести к косуле, при опасности бегущей скачками с периодическим подпрыгиванием [27, с. 83]. Если учесть дополнительный вариант *сакар*, имеющий также смысл «неспособность», «неумелость», «растяпа», «рохля» [35, с. 175], то проявляется облик незрелого создания. Из всего этого можно заключить, что выражение *хуудагсагаан* является эпитетом дикого козленка. В этой связи примечательно то, что второй компонент указанной фразы в бурятском языке (в качутском/эхиритском говоре) используется не только в значении цвета объекта, но и в качестве обозначения ягненка [18, с. 136], иными словами, детеныша животного. Таким образом, следует сказать, что словосочетание *хуудагсагаан* является емким выражением, заключающем в себе многие понятия («тусклый»/«слабый», «оседающий»/«маленький», «сидячий» / «пассивный», «пятнышко»/«детеныш»), связанные некоторой общностью значений, но главное, за ним закреплён смысл, указывающий, на наш взгляд, на социальный статус формирования, занимавшего второстепенное положение по отношению к сюзерену.

Кстати, на данный статус предков эхиритов может также указывать имя, фигурирующее в устной традиции хэнгэлдэровцев, шоноевцев и абзаевцев и связанное с их общим предком — Хэрхэн (*эрхэн*, варианты *эрхэ* [15, с. 199], *эрхэгтэ*, *эрхэли*, *эрхэлдэй* [15, с. 204]). То есть посредством этого имени основные подразделения эхиритов объединяются в единую группу, а через его значение представляют социум с общим историческим прошлым. Полагаем, что имя образовано от корневой основы *нэрхэ*, что в переводе с бурятского означает «кастрированный козел» [18, с. 587]. Здесь опять же видим образ небольшого животного с ограниченной функцией активности, что в семантическом плане выра-

жает признак пассивного начала, а в социальном отношении показывает элемент подчиненности.

Подводя итоги, отметим, что из всех рассмотренных эхиритских наименований выявляется общий образ, представляющий объект незначительного характера. Безусловно, он является результатом военно-политических взаимоотношений между этническими образованиями различного происхождения, приведших, с одной стороны, к раздроблению, размельчению одних, а с другой, к расстановке позиций, когда вторые стали управлять первыми и по праву сильного наделять их обозначениями, выражающими подчиненное положение. К тому же, влияние господствующего объединения было настолько сильным (и продолжительным), что прозвания подвластных и по-новому сформированных групп впоследствии становились самоназваниями. Полагаем, что такого рода отношения к вассальным группам у предков бурят, восходят к военной традиции средневековых монголов, когда племена, воевавшие с последними, после разгрома делились и раздавались в рабство. При этом победившая сторона стремилась истребить всех взрослых членов вражеской группы и оставить в живых лишь детей ростом не выше тележной оси [36, с. 62]. Такой подход логично объясняет, почему в наименованиях основных эхиритских подразделений заключен образ «детеныша».

Таким образом, на основании данного исследования можно утверждать, что основные эхиритские группы в ранний период своей истории не представляли единого социума, а являлись составными частями этнополитического образования, основанного булагатами. Собственно, в это время и в этом этнополитическом пространстве происходит формирование ядра будущего эхиритского племени. Сформированные булагатами раннеэхиритские объединения, являющие собой элементы разных этнических групп (курыкан, баргутов, эвенков и пр.) в силу территориальной близости и устройства по дуальному принципу стали обозначаться единым названием — *эхирит* («двойники»). Например, хэнгэлдэр — хадалай и хамнагадай, шоно — ехэ и бэсэгэн, абзай — ехэ и бэсэгэн, худагсаган — олзон и баяндай. Следовательно, наименование эхиритского племени имеет поздние истоки происхождения (примерно XVI в.) и связано с усилением монгольского (булагатского) компонента в этнической среде Предбайкалья. Что касается дуальной системы «четверки», то она, по нашему мнению, образовалась как соединение воинских отрядов (партнеров), предназначенных для экспансии таежных районов Верхоленья и северного Прибайкалья, населенных эвенкийскими пле-

нами. Эта организующая двойственная система ранних эхиритов отражена в родословных преданиях под именем Зонхи (считающимся сыном Эхирита и отцом Хэрхэна), являющимся производным от бурятского глагола *зонхилхо* — «распоряжаться», «администрировать», «управлять» [18, с. 401]. Видимо, такая военно-административная система, объединявшая группы ранних эхиритов, и стала основой для образования племени.

Полагаем, что данная форма организации сохранилась до прихода русских в XVII в. и окончательно сформировалась в племенное образование только в условиях российской политической системы, когда была исключена гегемония булагатов, и эхириты административно выделены в отдельное территориальное ведомство. Таким образом, под непосредственным воздействием русских возникают соответствующие условия для окончательной консолидации эхиритских группировок в единое объединение, процесс формирования которого завершается в XVIII в.

Рассмотренный нами материал по ранней этнической истории эхиритов наглядно свидетельствует о весьма сложном и длительном характере процесса формирования племени, в котором приняли участие компоненты тюркского, монгольского и других происхождений. Вместе с тем не подлежит сомнению, что основное ядро племени сложилось в период существования раннего бурятского этнополитического объединения и являлось его частью и творением.

Литература

1. Семенова В.И. Личные имена эхиритских бурят. Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. 190 с.
2. Долгих Б.О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // Советская этнография. 1953. № 1. С. 38-63.
3. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.
4. Севортыан Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
5. История Бурятии: в 3-х т. Т.1. Древность и средневековье / гл. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 328 с.
6. Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.
7. Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 214 с.
8. Окладников А.П. Шишкинские писаницы: памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1959. 211 с.
9. Болхосоев С.Б. К вопросу об общих истоках происхождения этнонимов «бурят» и «булагат» // Изв.

Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 21. С. 178-197.

10. Балдаев С.П. Избранное. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 256 с.

11. Болхосоев С.Б. Избранничество: феномен шаманской наследственности удха у предбайкальских бурят. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2016. 247 с.

12. Бурятские летописи / сост. Ц.П. Ванчикова, Ш.Б. Чимитдоржиев, М.В. Аюшеева. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2011. 224 с.

13. Бадмаева Л.Б. О баргу-бурятской языковой общности // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 155-162.

14. Гунгаров В.Ш. Бурядайд арадай туухэ домогууд (Легенды и предания бурят). Улан-Удэ: бурят. кн. изд-во, 1990. 176 с.

15. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Ч.1. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 366 с.

16. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Ч.1. Булагаты и эхириты. 3-е изд. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. 376 с.

17. Нанзатов Б.З. Этногенез западных бурят (VI-XIX вв.). Иркутск: Радиан, 2005. 159 с.

18. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Улан-Удэ: ОАО «Республ. типография», 2010. Т. 2. 708 с.

19. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освящении. М.: наука, 1978. 288 с.

20. Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 608 с.

21. Хакасско-русский словарь / под ред. Н.А. Баскакова. М.: ГЛАВИЗДАТ, 1953. 488 с.

22. Бутунаев Б.А. Повести желтой степи Иркутск: Иркут. обл. тип., 1992. 280 с.

23. Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Т. I. А-Е. 224 с.

24. Тувинско-русский словарь / под ред. Э.Р. Темишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 248 с.

25. Рассадин В.И. Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках: сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. С. 3-20.

26. Устинов С.К. Загадочные тропы кабарги. Иркутск: Вост.- Сиб. кн. изд-во, 1989. 112 с.

27. Данилкин А.А. Косули. Биологические основы управления ресурсами. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2014. 316 с.

28. Смирнов М.Н. Благодородный олень в Южной Сибири. Красноярск: КрасГУ, 2006. Ч. 1. 250 с.

29. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2010. Т. 1. А-Н. 636 с.

30. Ильгеева И.Л. Родословные легенды и предания бурят рода Абзай // Этническая история, этнография, фольклористика и язык бурят: материалы межрегион. науч.-практической конф., посвящ. 120 летию со дня рождения С.П. Балдаева. Улан-Удэ-Бохан: Изд-во БГУ, 2011. С. 72-82.

31. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 3. Ф. 440 с.

32. Севортьян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву Б. М.: Наука, 1978. 349 с.

33. Махатов Б.П. Были и предания байкало-кударинских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 44 с.

34. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 4. Х-Я. 532 с.

35. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы / под ред. Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Вост. лит., 2003. Т. 7. 446 с.

36. Монголой нюуса тобшо. Сокровенное сказание монголов (на бурятском, русском языке) / Ч.-Р. Намжиловой оршуулга. пер. С.А. Козина. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. 318 с.